

26. МОСТОК СОМНЕНИЯ

Муж и жена — одна сатана. Так говорит народ. Чтобы было понятно дуракам, уточняет: хозяин и жёнка — одна кишонка. И обобщает предельно доходчиво: хозяин и баба — одна рада.

Подвергать сомнению народную наблюдательность не будем. Лишь полюбопытствуем: как влияет на "сатанинское" двуединство Бог? Посмотрим на деревенскую пару. Все ее дела и тайны, естественно, не откроются никогда, заглядывать исподтишка в чужую спальню было бы грешно, обойдемся тем, что пара выдает о себе сама.

Деревенские семейные пары Беларуси я разделил бы по следующему признаку: ОБОЮДОХМЕЛЬНЫЕ (алкоголем злоупотребляют муж и жена) и ПОЛУХМЕЛЬНЫЕ (муж). Непьющих пар так мало, что их можно не принимать во внимание. Обоюдохмельных пар — меньше, но их количество стремительно увеличивается, особенно в восточных областях. Преобладают полухмельные, причем распространены как на востоке, так и на западе, где плотность Божьего духа увеличена по причине того, что к церкви присоседились костел, мечеть, протестантская молельня. Сосредоточимся на информации из семей полухмельных, образовавшихся на богоохваченном западе, а конкретнее — в еще не обезлюдившей полесской деревне, где местная баптистская община имеет молельный дом.

Проникать в деревню Бог обычно начинает через прекрасную половину, достигшую 35. К этому времени деревенская женщина вытряхнула из пеленок детей, устала, разочаровалась, посмотрела в зеркало — и расплакалась. В стране одиночества, кроме тебя, навечно поселился прекрасный собеседник — Бог, до Него так близко, через три хаты — Божий дом...

Выпивая где-либо на травке, мужчины подтрунивают над другом: "Наливай, пока можно. Твоя вчера ходила к баптистам. Скоро тебя затащит." — "Пусть попробует, — спокойно говорит друг. — Ихняя забота — тащить, наша — упираться." Компания гогочет. Все уверены, что не затащит.

На травке, усыпанной окурками и бутылочными пробками, сидят аргументы и факты. Жены-баптистки по многу лет пытаются сдвинуть их отсюда — бесполезная суета! Однако мужчин она не злит, не раздражает. Признавая за женами "ихнюю заботу", они как должное воспринимают их приобщение к Богу, этим самым признавая и Его. Годам к пятидесяти, глядишь, в баптистский дом ходят все аборигенки деревни (ее невестки в

силу семейных традиций посещают церковь или костел). Мужчины в молельню приходят либо стариками, либо мальчиками, ведомыми бабушкой.

Рассказывает верующая женщина, многолетняя баптистка: "У моего был день рождения. Уже 60 лет. Мужчины его подкинули. Три раза "ура" — давай выпивку. Приходит домой, говорит: меня подкинули, надо мужикам занести, ждут в саду. Собрала сумку: водки магазинной, чтобы не травились самогонкой, березового сока из погреба, сала, огурцов. Говорю, еще котлет сделаю. Хватит, говорит, они ждут. Пускай ждут! Успеют налакаться! Поедят горячих котлет, то не так подуреют. Подождал. Пошел. Приходит... Приводят зеленого. Ох, как его рвало, бедного. Ну, что ж ты так много пил? У тебя ж язва желудка. Почему ты не подумал о нас, у тебя ж дети, внуки. Ты хочешь нас рано осиротить?.."

Ей-богу, я слушал ее и ждал: вот-вот скажет о муже примерно так: "Почему ты не подумал о Боге?" Или так: "Побойся Бога." Не сказала. О язве вспомнила, о Боге — нет. Почему? Говорила мужу о Боге раньше, неоднократно, а теперь поняла бесполезность?

Счастье семьи и рода зависит от здоровья отца и мужа, а не от Бога? Пить много — здоровье губить. Надо пить свою норму. Выпить и хорошо закусить. Обязательно — горячей котлетой. Ни словечком верующая половина не напомнила мужу, что пить — ГРЕХ. Не процитировала в этой связи Библию, которую знает назубок. Почему? Мужскую и женскую половинки мира соединяет в одну "кишонку" не дух небесный, а твердь земная?

Жизненный сюжет. Тракторист, перевозивший колхозное зерно, по пути на склад завернул к себе на усадьбу и отсыпал сколько посчитал нужным. Украл, значит. В клубе организовали выездное показательное заседание суда. Да доказать факт кражи не могут. Зерно в сарае обнаружили, два мешка. Где взял? Купил на дороге у каких-то коммерсантов. А почему трактор тарахтел в темноте у твоего дома, что подтверждают свидетели? Он часто тарахтит, ждет, когда обедаю и ужинаю. А свидетели — подхалимы председателя. Позовем еще свидетеля — твою жену. Она баптистка, перед Богом скажет правду.

Суд перенесли на завтра. Вызвали жену, пресвитера. Власть не только помогает строить храмы, но и использует Бога в деле воспитания нравственности народа. Пресвитер показал, что свидетельница посещает баптистский храм двадцать лет, прошла крещение, регулярно причащается. Кульминация процесса. Жену-свидетельницу заставили поклясться говорить Суду правду. Она поклялась и сказала, что НЕ ЗНАЕТ, где муж взял два мешка зерна.

Она помогала ссыпать то зерно с прицепа в мешки. Соучаствовала в преступлении. Воровство видели соседи, но молчат. Они не подхалимы, у них тоже нечем кормить скотину, они возьмут колхозного зерна при первом удобном случае. Воровство видел Бог, но его власти не хватило, чтобы разрушить семейную "раду" — мужа посадить в тюрьму, жену оштрафовать на сумму, равную ее пятилетней зарплате на колхозной ферме. Может быть, дело не во власти Бога, а в Его МУДРОСТИ? Он ведь видит всё: воровскую суть светской власти, нищету и бессилие людей, загнанных в болото.

По трясине с молитвой не ходят, ибо ненадежно. Так сказал народ, загнанный в болото. Бог, сострадая, прощает даже отрицание Свое? Если бы не сострадал, был бы не Бог: послал бы человека пробираться через трясину без спасительного шеста, заняв его правую руку крестной суетой; заставил бы верующих жен уйти от мужей-пьяниц, разбил бы семьи Беларуси, основные ячейки государства, и таким макаром разрушил бы государство. Нет, Бог не такой.

Какой Он на самом деле, не знаю. Зато знаю, какие белорусские женщины. ЗЕМНЫЕ БОГИНИ. Они ведут, тащат волоком, несут на себе мужей своих через трясину, спасая семью и государство. Плачут, надрываются, просят, умоляют, прощают. Волею судьбы встав в полухмельную семейную пару, они, верующие, покоряются САТАНЕ. Полухмельная пара не трезвеет, святой дух полностью вытесняется из семейной ячейки алкогольным перегаром.

Бог тушется, теряет самостоятельность и специфическую мощь в главных ячейках, изобретенных человечеством — семье и государстве. Ячейки живут по внутренним законам, БЕЗБОЖНО. Когда же они привлекают Бога на службу во "внутренних силах", Бог подчиняется их Уставу. Подчиненный Бог не влияет на судьбы семьи, государства, человечества. Сочетание Бога и Организации — небожественно. Если Бог служит Организации, это не бог, а ФАНАТИК. Если Организация использует фанатика, она человеконенавистна.

Третью мировую войну могут развязать либо дебил, либо религиозный фан. Белорусскую полухмельную семью могут разрушить неверующая ни во что стерва или верующая фанатичка. Разводов по первому варианту множество, по второму — не знаю ни одного, тем не менее хочу остановиться именно на нем.

Богини белорусские, вы даете Богу возможность действовать на земле. Не будь в вашей душе Бога, у вас не хватило бы терпения нести по жизни

свою вторую половину. Вы несете, но не жалуетесь. Вы жалеете, но не поучаете. Вы спасаете, но не говорите вслух о Боге, потому что Бог — это ИНТИМНО, как... Как гигиеническая прокладка с крылышками или без оных.

Понимаю, сравнение неожиданно. Прошу не возмущаться. Бесстыдная демонстрация крылышек по телевизору сравнима с публичной демонстрацией человеком своей религиозности. Нормальный человек не будет прилюдно вещать о том, что у него хорошая жена, послушные дети и толстый кошелек. Верующий человек часто позволяет себе возвещать о том, что его душу посетил Бог. На традиционных поминках свежеверующая закатила часовую лекцию о Святом Духе, не оставив присутствующим времени выпить поминальную рюмку, поесть, поговорить о покойном. Неужели Бог, окрылив нас верой и приподняв над землей, избавляет нас от груза мирского взаимопонимания?

Церковный сюжет. Будучи в командировке, мы с другом зашли в местный храм. Было высоко, торжественно, безлюдно. Один сторож. И Бог, конечно. Зажгли свечки, постояли. Друг отлучился. Я подумал, он на улице. Выхожу. Вижу, друг стоит за колонной, быстро крестится. Увидев меня, смутился. Говорит: могу только наедине.

Божий храм не избавляет человека от интимного стыда. Молящийся в тесной келье монах нравственнее толпы, молящейся хором. Почему же религиозная практика пришла к огромным многотысячным храмам? Чтобы высокими сводами быстрее раздавить в человеке человеческое и, облегченного, вести, куда надо? А куда?

Публичная вера непременно смыкается с политикой. Человек хотел очиститься в вере, а его превращают в замусоленную политическую пешку. Президент иронично спрашивает у толпы: ну, что тут у вас, католики и православные не воюют между собой? Толпа молчит. Неясны причины молчания. То ли оскорблены интимные чувства. То ли народ понимает, что можно не отвечать на вопросы... знаете кого.

Наша с младшим братом железная кровать стояла спинка к спинке с кроватью родителей. Между кроватями висела белая занавесочка. В соседней комнате, отгороженной цветастой занавеской, спала бабушка. В семь лет я часто просыпался. Не дыша, слушал:

Папа и мама любили друг друга. Они тихо говорили слова, смысл которых я понимал. Они делали то, что я знал. В сельской лавке пятидесятых не было детских игрушек, но были импортные презервативы. Магазинчик дядя Володя продавал их детям для шариков. Призначение "гондонов" было нам известно, однако о нем не думалось, когда несешь над собой раскрашенный

цветными карандашами шарик. Слушая родительскую любовь, я не думал о том, что ЗНАЮ. Просто слушал, стараясь, чтобы они не услышали, что я не сплю. Стыдно не было. Стыдно было бы, если бы они узнали. Никому я не рассказывал о папе-маме, хотя разговоров на эту тему у детей предостаточно, да еще с хихиканьем. К папе-маме это не имело отношения. То, что я слышал, было для меня БОЖЕСТВЕННЫМ ТАИНСТВОМ.

Я лежал и слушал:

Бабушка молилась. Она, я знал, стоит на коленях на полу, в белой сорочке, молится шепотом, почти беззвучно, чтобы не разбудить всех. Я слышал каждое слово, но не каждое понимал, от чего бабушкино действо делалось для меня таинственным, БОЖЕСТВЕННЫМ, не подлежащим разглашению в откровениях с друзьями на речке, на белом песке, у синей воды, под высокими облаками. Если друзья на минутку примолкнут, если присмотреться, то одно облачко похоже на молящуюся бабушку.

А на железной кровати я лежал и слушал:

Идет первый весенний дождь. Нечто великое шепчется в саду, на крыше. Неохватный шепот похож на шепот папы-мамы, бабушки, НЕОБЪЯТНОГО БОГА. Об этом в юности я рассказал в стихах:

**Ўсеночны дождж. Ускліпвалі снягі.
Як быццам, нейкі велікан маліўся,
Укленчыўшы, хрысціўся-мітусіўся —
Ці то ад радасці, ці ад тугі.**

**А ранкам я убачыў: ад слаты
Паніжалі снягі. Пасля малення
Павышалі, падняліся з каленяў
Худыя дрэвы і платы.**

Под стихами редактор черкнул: "Получается, что и правда после моления люди возвышаются по духу." Приговор атеиста-материалиста был окончателен. Стихотворение не напечатали. Публикую его впервые. Детские ощущения оказались непреходящими. Теперь могу сформулировать их в прозе. Бог — ИНТИМНОЕ ЗНАНИЕ человека, о котором стыдно рассказывать прилюдно.

Свадебный сюжет. Гости пьют-гуляют. Лишь одна верующая пара пригубила лимонаду, поклевала того-сего, выпрямила спины, не мигая смотрит на свадьбу. В поджатых губах жены презрение, во взгляде мужа осуждение.

Сидел напротив их веселый односельчанин. Но не гулялось от души. Он встал и сказал верующей паре: "Вы зачем пришли на свадьбу — судить меня? Да, Я АТЕИСТ, я верю не в Бога, а в Природу. Но я же вас не трогаю. Почему вы ТРОГАЕТЕ МЕНЯ? Кто вам дал право презирать меня за то, что я — атеист, пью и танцую?"

Впервые за последние пятнадцать лет я услышал атеиста. С внедрением гласности и демократии верующие воспряли духом, атеисты — потухли, ушли в подполье.

Атеизму (материализму) столько же веков, сколько Богу. Но человечество делится не на атеистов и верующих, а на умных и дураков, на палачей и жертв. Ими изобилуют как святой мир, так и материалистический.

Большевики-атеисты были палачами и дураками. После них атеизм ассоциируется с кровью безвинных священнослужителей, с пылью взорванных храмов. Истинный атеизм — интимная связь человека со вселенной, видение ее первоначала, бесконечности, заглядывание за край, где бездна, сомнение, неоткрытая тайна, переходящая в Божество, в мосток к Вере, на окраине которой тоже есть МОСТОК СОМНЕНИЯ. Интимные мостки соединяют атеистов и верующих.

Не стесняйтесь, атеисты. Вы бескорыстны, ибо живете не ради вознаграждения загробным раем. Мода на Бога, появившаяся в конце века, пройдет. Количество религиозных людей в обществе стабильно — примерно 10 процентов. Остальные находятся в промежуточных душевных состояниях — от признания над собой прав Всевышнего до Его непринятия.

Не бойтесь, верующие и атеисты, быть самими собой — и вы станете БОГОМ ДЛЯ СЕБЯ. Вера (Бог) — вещь в себе. Свет в вашей душе. Он притягивает. Хорошо идти, когда впереди — огонек. Идете вы, идут к вам.

1999